

DOI: 10.26794/2587-5671-2026-30-3-2054-03

УДК 336.02(045)

JEL F38, G53, O17

Влияние финансовой грамотности на масштаб мошенничества

Н.Ю. Танющева

Астраханский государственный технический университет, Астрахань, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Тема финансового мошенничества ввиду ее злободневности поднимается во множестве публикаций. Зачастую в качестве метода сокращения его масштаба предлагается повышение уровня финансовой грамотности населения. Вместе с тем исследований, посвященных влиянию финансовой грамотности на состояние финансового мошенничества, немного, они, как правило, представляют собой логические рассуждения, опирающиеся на экономическую теорию.

Целью представленной статьи стала количественная оценка влияния уровня финансовой грамотности на масштаб финансового мошенничества. Использованы данные МВД России о состоянии преступности в стране и оценки уровня финансовой грамотности россиян в 2008–2023 гг., опубликованные Аналитическим центром Национального агентства финансовых исследований (НАФИ). Учитывая сохраняющуюся связь между финансовым мошенничеством и наличными денежными средствами, которые используются в отмытии мошеннических доходов, в базу анализируемых параметров включены данные Банка России о динамике наличного денежного оборота. Анализ проводился методом корреляции. Полученные результаты свидетельствуют об ограниченности полезности финансовой грамотности в вопросе самозащиты населения от финансового мошенничества. Выявленная сильная положительная корреляционная связь между численностью мошенничеств и средним уровнем финансовой грамотности может указывать на то, что, получив определенные финансовые знания, люди начинают больше интересоваться разнообразными финансовыми продуктами — и оказываются в поле деятельности финансовых мошенников. Тогда как непосредственно сами финансовые знания не оказывают сдерживающего воздействия при столкновении с мошенниками, манипулирующими доверием граждан. Перспективным направлением в укреплении самозащиты населения против финансовых мошенников представляется рост усилий по формированию у населения поведенческих навыков противодействия, например, кампания «Клади трубку». Однако более действенным методом видится усиление защитных мер финансовой системы, в первую очередь банков, по выявлению, приостановке подозрительных операций, проводимых клиентами, попавшими под влияние мошенников.

Ключевые слова: финансовая грамотность; финансовое мошенничество; матрица корреляций; наличные деньги; латентность преступности; модульная теория социума; индекс финансовой грамотности; «Клади трубку»

Для цитирования: Танющева Н.Ю. Влияние финансовой грамотности на масштаб мошенничества. *Финансы: теория и практика*. 2026;30(3):98-108. DOI: 10.26794/2587-5671-2026-30-3-2054-03

ORIGINAL PAPER

The Impact of Financial Literacy on the Scale of Fraud

N. Yu. Tanyushcheva

Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russian Federation

ABSTRACT

The topic of financial fraud is often raised in various publications due to its significance. Increasing the level of financial literacy among the population is frequently suggested as a way to reduce the prevalence of financial fraud. However, there is a lack of research on the impact of financial literacy on financial fraud, and the studies that do exist are based only on logical arguments derived from economic theory. The purpose of this article is to examine the impact of financial literacy on financial fraud in Russia. We used data from the Ministry of Internal Affairs on crime rates in the country, as well as estimates of financial literacy levels among Russians published by the NAFI (National Agency for Financial Research) between 2008 and 2023. Given the ongoing link between financial fraud and the use of cash in money laundering the database of analyzed parameters includes data from the Central Bank of Russia on the dynamics of cash inflows. The study used correlation analyses. The article suggests that financial literacy has limited usefulness in protecting the population from financial fraud. The strong positive correlation between the number of fraud cases and the average level of financial literacy suggests that, as people acquire certain financial knowledge, they become more interested in various financial products and are more likely to fall victim to financial fraud. While financial knowledge

alone may not be enough to deter fraudsters who exploit the trust of citizens, increased efforts to develop behavioral skills among the public, such as through the “Hang Up the Phone” campaign, seem to be a promising approach to strengthening the population’s ability to protect themselves against financial fraud. However, a more effective approach would be to strengthen the financial system’s protective measures, particularly for banks, in order to identify and halt suspicious transactions of customers who may have fallen victim to fraud.

Keywords: financial literacy; financial fraud; correlation matrix; cash; Crime latency; modular theory of society; financial literacy index; “Hang Up the Phone”

For citation: Tanyushcheva N. Yu. The impact of financial literacy on the scale of fraud. *Finance: Theory and Practice*. 2026;30(3):98-108. DOI: 10.26794/2587-5671-2026-30-3-2054-03

ВВЕДЕНИЕ

Состоянию преступности в сфере финансового мошенничества посвящено множество публикаций, число которых продолжает расти. Основная их масса содержит тот или иной набор информации о ситуации с финансовым мошенничеством, рассуждения о причинах его взрывного роста, а также идеи по противодействию. Причиной роста указываются развитие финансовых технологий [1] и вовлечение в финансовое мошенничество организованных преступных групп, проявляющих повышенный интерес к любым большим оборотам денег [2]. Противодействовать предлагается с помощью технологий машинного обучения, встраиваемых в компьютерные программы, осуществляющие транзакции [3, 4], и путем повышения уровня финансовой грамотности [5, 6]. Оба направления противодействия исследуются отдельно, но в действительности они работают на одну и ту же цель. Полагается, что финансовая грамотность оказывает сдерживающее воздействие на решение граждан выполнять условия мошенников, но в случаях, когда влияние мошенников оказалось все же сильнее финансовой грамотности, на пути сомнительных транзакций должны встать технологии машинного обучения. Однако вопрос степени значимости разных форм сдерживания остается не исследованным.

Здесь следует определиться с понятийным аппаратом. Среди разных вариантов трактовки понятия «финансовое мошенничество» более полным и одновременно емким представляется определение В.А. Галанова и А.В. Галановой, которые предлагают понимать финансовое мошенничество как «способ организации финансовых отношений, нацеленных на присвоение денежных доходов других граждан, при котором добровольная и внешне выгодная форма отдачи денег гражданином скрывает заведомо невыгодную для него сделку» [6, с. 162].

В качестве определения категории «финансовая грамотность» заслуживает внимания точка зрения представителей Банка России, в соответствии с которой финансовая грамотность — это «основные знания, умения и навыки, необходимые для при-

нятия финансовых решений в целях достижения финансового благополучия и управления финансовыми рисками» [7, с. 5]. Финансовая грамотность как широкая программа, охватывающая большие группы населения вплоть до государственного и международного масштаба, получила развитие в середине 1980-х гг., в России — в 2010-е гг. [8]. Первоначально в корпоративном секторе, но очень скоро уже и в рамках национальных программ и международного движения. Тогда их главной и единственной целью было увеличение потребления и последующий за ним рост экономики. Включение в такие программы вопроса противодействия росту масштаба финансового мошенничества стало ответной реакцией органов власти на взрывной рост финансового мошенничества [9].

В подавляющем большинстве публикаций, посвященных финансовому мошенничеству и финансовой грамотности, финансовая грамотность рассматривается как фактор, сдерживающий финансовое мошенничество. Авторы безоговорочно убеждены именно в таком формате взаимосвязи этих категорий. Попытки объективно взглянуть на такую взаимосвязь, предпринятые московскими экономистами, опирались исключительно на логику и экономическую теорию [5, 6]. Однако, когда речь заходит о затратах, тем более таких масштабных, как расходы на продвижение финансовой грамотности населения в страновом масштабе, вопрос рентабельности становится актуальным. Отсутствие исследований в этом направлении можно объяснить относительной новизной расширения движения финансовой грамотности в область противодействия финансовому мошенничеству.

Вместе с тем на фоне массовой убежденности в противомошеннической роли финансовой грамотности иногда проглядывают нотки сомнений. Например, Галановы пишут: «Повышение финансовой грамотности населения считается положительным явлением, которое, к сожалению, неизбежно сопровождается ростом финансового мошенничества, поскольку у них имеется общая рыночная основа — доверие к финансовым знаниям и к финансовым профессионалам» [6, с. 164].

Этой фразой заканчивается статья, отражающая размышления экономистов о границах антимошеннической полезности финансовой грамотности. В ней также высказана мысль о том, что обязательным условием реализации финансового мошенничества является «наличие определенных финансовых знаний у гражданина (участника рынка) и его очевидный непрофессионализм» [6, с. 162]. То есть гражданин уже настолько финансово образован, что понимает выгоду от инвестиций и одновременно осознает свой непрофессионализм для получения максимальной выгоды от операций на финансовом рынке. И тогда он открыт советам профессионалов, за которых все чаще выдают себя мошенники.

Соглашаясь с доводами московских исследователей, в данной статье ставится задача определить границы защитной роли финансовой грамотности в отношении финансового мошенничества. Становление национальных программ финансовой грамотности в мире происходило в период, когда финансовый рынок в России только зарождался, финансовых знаний не было не только у населения, но и у многих работников финансовых организаций. Финансовые пирамиды и обман вкладчиков на некоторое время приобрели массовый характер. Российское законодательство и правоохранительная система подстраивались под рыночную действительность, в стадии формирования находились инструменты регулирования финансового рынка. В начале 2000-х гг. стала общедоступной статистика о состоянии преступности в стране, Россия включилась в мировое движение по защите глобальной финансовой системы от незаконных практик, в первую очередь в сфере отмывания денег. Отечественная финансовая наука присоединилась к изучению роли программ по финансовой грамотности в сокращении убытков домохозяйств от ошибочных решений относительно своих денежных средств.

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ, СВЯЗАННОЙ С ФИНАНСОВЫМ МОШЕННИЧЕСТВОМ В РОССИИ

Динамика численности зарегистрированных преступлений в стране с 2003 по 2023 г. свидетельствует о наличии стойких тенденций в состоянии российской преступности (коэффициент аппроксимации полиномиальной линии тренда этой динамики составляет $R^2 = 0,7941$). Одна из таких тенденций — постепенное, но неуклонное снижение численности противоправных деяний, которое связывают с ростом эффективности правоохранительных органов. Однако каждый раз, когда речь

заходит об эффективности правоохранительных органов, сразу же поднимается вопрос латентности преступности и, соответственно, достоверности официальной статистики. Правоведы и криминологи единодушны в том, что латентность — неизбежная сторона преступности. Среди наиболее высоклатентных преступлений чаще всего указывают на мошенничество, особенно финансовое. Известные подходы к количественной оценке латентности преступности базируются на модульной теории социума [10]. В контексте преступности теория конкретизирована Д.А. Ли следующим образом: «Всех людей в конкретном обществе можно разделить на тех, кто совершает преступления, и тех, кто таковых не совершает. Совокупность первых и вторых образует целостную единую социальную систему. Число тех, кто совершает преступления, будет составлять определенную константу, выполняющую функцию дисгармонии в самой системе как таковой» [11, с. 38]. Относительно количественной оценки было высказано мнение, что «количество преступников в конкретном обществе должно составлять 5,6% от общего числа населения, выполняя таким образом функцию сохранения его целостности как системы и поддержания необходимого разнообразия, что служит необходимым условием самоорганизации системы» (там же). Эта самоорганизация может проявляться в том, что оставшиеся на свободе преступники будут заниматься противоправной деятельностью в пределах рамок, ограниченных, с одной стороны, работой правоохранительных органов, с другой — освободившимися нишами после заключения под стражу конкурентов. То есть латентность предлагается рассматривать как функцию запаса избежавших наказания преступников. Этим вопросом серьезно занимались О.А. Олькова и С.Г. Ольков [12]. Они показали, что численность преступлений в определенный период времени на определенной территории обусловлена количеством преступников, остающихся на свободе в тех же временных и территориальных границах.

В современной криминалистике, криминальной психологии, социологии сложилось мнение относительно различий в склонности индивидов к преступлению закона. Считается, что механизмы преступного поведения у лиц, участвующих в насильственных преступлениях, и лиц, вовлеченных в корыстные правоотношения, отличаются [13, 14]. Далее количественные оценки связи финансового мошенничества с финансовой грамотностью проводятся в сопоставлении с данными о насильственных преступлениях.

Опираясь на распределение вероятности Пуассона, О.А. Олькова и С.Г. Ольков предположили, что на одного оставшегося на свободе преступника в относительно короткий период при прочих равных обстоятельствах приходится одно новое преступление. В качестве относительно короткого периода они рассматривали календарный год. Фактическая преступность состоит из числа зарегистрированных (R) и латентных (L) преступлений:

$$C = R + L = R \cdot \beta,$$

где $\beta = \frac{R}{W}$ — мультипликатор латентности, харак-

теризующий скорость изменения латентной преступности при изменении численности лиц, лишившихся возможности совершать преступления ввиду привлечения к ответственности за уже совершенные правонарушения; W — число физических лиц, осужденных за совершение преступлений.

Из табл. 1 видно, что в последние 20 лет латентность ненасильственных преступлений сокращается, тогда как у мошенничеств это свойство стремительно нарастает.

Другие важные тенденции проявили себя при построении матрицы корреляций на основе: 1) рассчитанных выше данных о фактическом количестве ненасильственных преступлений и фактической численности мошенничеств; 2) публикуемых МВД России сведений о численности раскрытых ненасильственных преступлений и численности раскрытых мошенничеств; 3) информации Банка России о сумме наличных денег в обороте, стоимости купюр в 5000 руб. в общей сумме наличных денег и удельном весе купюр в 5000 руб. в общей сумме банкнот; 4) оценки уровня финансовой грамотности россиян Аналитическим центром НАФИ. Наличные деньги, особенно купюры крупных номиналов [15], используются на разных этапах отмывания мошеннических доходов. Перечень обозначений исследуемых параметров приведен в табл. 2, исходные данные обобщены в табл. 3, матрица корреляций представлена в табл. 4.

Из полученных в табл. 4 данных можно сделать ряд выводов:

- сильная положительная связь между общей ненасильственной преступностью и ее раскрываемостью может свидетельствовать в пользу модульной теории социума, в том числе той ее части, в которой утверждается о стабильном уровне преступников в численности населения;

- сильная корреляция между фактической численностью ненасильственных преступлений, количеством раскрытых преступлений и фактическим количеством раскрытых мошенничеств указывает, что в последние 20 лет состояние преступности в России во многом определяется ситуацией с мошенничеством;

- сильная отрицательная связь между фактическим числом ненасильственных преступлений, количеством раскрытых таких преступлений, фактическим числом мошенничеств, с одной стороны, и показателями наличного денежного оборота, с другой, показывает, что доходы от ненасильственных преступлений, включая нераскрытые мошеннические, формируются и/или отмываются в основном без использования наличных денег.

С 2019 г. в публикуемых МВД России данных появилась информация о численности мошеннических преступлений, совершенных с использованием ИТТ. Несмотря на рост количества раскрытых таких мошенничеств, из-за поступательного роста их числа раскрываемость из года в год остается в среднем на уровне 10,2%, не превышая 11,7%. Учитывая, что доля фактической численности мошенничеств, осуществленных с использованием ИТТ, в общей фактической численности мошенничеств все время растет (с 53% в 2019 г. до 82% в 2023 г.), а также принимая во внимание значение коэффициента корреляции Пирсона между двумя видами мошенничеств (0,9966), в дальнейшем будем считать, что фактическая численность всех мошеннических преступлений определяется финансовым мошенничеством и может быть использована для анализа полезности финансовой грамотности.

Из табл. 4 следует:

- сильная отрицательная связь между раскрываемостью преступлений, совершенных с использованием ИТТ, и количеством раскрытых ненасильственных преступлений, а также с фактическим количеством всех мошенничеств указывает на то, что с ростом количества раскрытых ненасильственных преступлений и мошенничеств раскрываемость финансовых мошенничеств снижается. Повышенная нагрузка на правоохранительные органы ослабляет защищенность россиян от финансовых мошенников;

- высокая корреляция данных о преступлениях, совершенных с использованием ИТТ, с показателями, характеризующими наличное денежное обращение, свидетельствует об использовании наличных денег, особенно в крупных купюрах, в схемах таких мошенничеств.

Таблица 1 / Table 1

Расчет фактического состояния ненасиленной преступности, мошенничества и мошенничества с использованием информационных и телекоммуникационных технологий (ИТТ) в России в 2003–2023 гг. / The Calculation of the Current State of Non-violent Crimes and IT-related Fraud in Russia between 2003 and 2023

Год / Year	Ненасильственная преступность / Non-violent Crimes				Мошенничество / Fraud				Мошенничества, совершенные с использованием ИТТ / IT-related Frauds				
	R	W	L	C	R ¹	W ¹	L ¹	C ¹	R ²	W ²	L ²	C ²	Si ²
2003	2 659 596	649 784	8 226 254	10 885 850	87 471	11 452	580 637	668 108					
2004	2 796 110	655 764	9 126 214	11 922 324	126 047	16 701	825 264	951 311					
2005	3 456 804	727 268	12 973 857	16 430 661	179 553	26 411	1 041 123	1 220 676					
2006	3 767 611	754 165	15 054 388	18 821 999	225 326	33 689	1 281 748	1 507 074					
2007	3 505 928	763 187	12 599 602	16 105 530	211 277	36 801	1 001 678	1 212 955					
2008	3 138 162	765 262	9 730 713	12 868 875	192 490	35 921	839 007	1 031 497					
2009	2 928 640	735 702	8 729 521	11 658 161	188 723	32 229	916 380	1 105 103					
2010	2 568 584	699 919	6 857 684	9 426 268	160 081	29 056	721 869	881 950					
2011	2 347 189	648 127	6 153 145	8 500 334	147 468	25 559	703 379	850 847					
2012	1 905 435	612 703	4 020 246	5 925 681	161 969	23 649	947 336	1 109 305					
2013	1 813 490	606 399	3 609 913	5 423 403	164 629	25 155	912 799	1 077 428					
2014	1 797 569	594 305	3 639 461	5 437 030	160 214	24 622	882 290	1 042 504					
2015	1 978 917	612 776	4 411 856	6 390 773	200 598	22 206	1 611 505	1 812 103					
2016	1 812 741	621 677	3 473 010	5 285 751	208 926	22 091	1 766 995	1 975 921					
2017	1 763 264	600 944	3 410 429	5 173 693	222 772	23 058	1 929 512	2 152 284					
2018	1 707 937	570 698	3 403 433	5 111 370	215 036	22 638	1 827 569	2 042 605					
2019	1 754 045	519 653	4 166 586	5 920 631	257 187	25 254	2 362 008	2 619 195	136 709	7 414	2 384 110	2 520 819	14 678
2020	1 787 718	461 625	5 135 511	6 923 229	335 631	21 876	4 813 764	5 149 395	237 074	8 216	6 603 734	6 840 808	21 625
2021	1 750 276	495 449	4 432 936	6 183 212	339 606	20 607	5 257 144	5 596 750	249 249	8 224	7 304 869	7 554 118	21 610
2022	1 726 688	510 346	4 115 332	5 842 020	343 085	21 236	5 199 735	5 542 820	257 606	11 340	5 594 321	5 851 927	30 232
2023	1 719 846	486 751	4 356 917	6 076 763	433 708	24 579	7 219 273	7 652 981	356 079	14 736	8 248 173	8 604 252	37 634

Источники / Sources: составлено автором по: Состояние преступности, МВД России; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации / Compiled by the author based on The state of crime. Ministry of Internal Affairs of Russia; Summary of statistical information on the status of criminal records in Russia. Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 06.02.2025) / (accessed on 06.02.2025).

Таблица 2 / Table 2

Обозначения исследуемых показателей / Notations of the Studied Indicators

Обозначение / Notation	Содержание / Description
<i>Cu</i>	Фактическое количество ненасильственных преступлений
<i>Su</i>	Количество раскрытых преступлений (без преступлений против личности)
<i>Cf</i>	Фактическое количество мошенничеств
<i>Sf</i>	Количество раскрытых мошенничеств
<i>M</i>	Стоимость наличных денег в обороте, млрд руб.
<i>B</i>	Стоимость купюр в 5000 руб. в общей сумме наличных денег, млрд руб.
<i>P</i>	Удельный вес купюр в 5 тыс. руб. в общей сумме банкнот, %
<i>Ci</i>	Фактическая численность мошенничеств, совершенных с использованием ИТТ
<i>Si</i>	Количество раскрытых мошенничеств, совершенных с использованием ИТТ
<i>Fmin</i>	Доля населения с уровнем финансовой грамотности ниже среднего (менее 47 баллов), %
<i>Fav</i>	Доля населения со средним уровнем финансовой грамотности (от 47 до 57 баллов), %
<i>Fmax</i>	Доля населения с уровнем финансовой грамотности выше среднего (более 57 баллов), %

Источники / Sources: составлено автором / Compiled by the author.

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ И ФИНАНСОВОЕ МОШЕННИЧЕСТВО

Оценка уровня финансовой грамотности населения в России ведется с 2008 г. на базе международных методик, основанных на опросах населения. Оценку проводят Аналитический центр НАФИ, Банк России, Минфин России, наиболее востребованной из них является методика, разработанная Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)¹. Для анализа изменений в уровне финансовой грамотности населения в России в динамике, а также сопоставления его с другими странами результаты опросов обобщают в единый показатель — итоговый российский индекс финансовой грамотности, показывающий удельные веса трех групп по уровню финансовой грамотности в общей массе опрошенных:

¹ Индикаторы финансовой грамотности населения: подходы к измерению и интерпретации. Институт национальных проектов. URL: <https://inp.ru/fingramota/> (дата обращения: 17.01.2025); Группа двадцати. ОЭСР МСФО «Концепция основных знаний и навыков по финансовой грамотности для взрослого населения», 2016. URL: <https://fingramota.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=1519&p=attachment> (дата обращения: 17.01.2025).

- первая группа объединяет участников опросов, чей уровень финансовой грамотности ниже среднего (менее 47 баллов по 100-балльной системе);
- вторая группа — средний уровень (от 47 до 57 баллов);
- третья — выше среднего (более 57 баллов)².

Аналитический центр НАФИ публикует ежегодные данные о соотношении групп с разным уровнем финансовой грамотности россиян с 2008 г. Из табл. 4 установлена сильная положительная корреляция между численностью мошенничеств, совершенных с использованием ИТТ, и их раскрываемостью, со средним и высоким уровнями финансовой грамотности. То есть, чем больший удельный вес в составе населения приходится на людей со средним и высоким уровнями финансовой грамотности, тем больше финансовых мошенничеств совершается и тем больше их раскрывают правоохранительные органы.

Признавая относительную краткость периода, принятого в исследовании, а также низкую детализацию показателей финансовой грамотности, можно считать полученный результат тех-

² Социально-экономическое развитие. НАФИ, 2017.

Таблица 3 / Table 3

Данные о фактическом состоянии и раскрываемости ненасилованных преступлений и мошенничеств, о наличном денежном обороте и уровне финансовой грамотности в России / Data on the Current State and Detection of Non-violent Crimes and Fraud in Russia, as well as on Cash-inflows and the Level of Financial Literacy

Год / Year	Cu	Su	Cf	Sf	M*	B*	P*	Ci	Si	Fmin	Fav	Fmax
2003	10885 850	2 659 596	2 661 599	87 471								
2004	11 922 324	2 796 110	2 798 114	126 047								
2005	16 430 661	3 456 804	3 458 809	179 553								
2006	18 821 999	3 767 611	3 769 617	225 326	2379,7	119,0	5					
2007	16 105 530	3 505 928	3 507 935	211 277	3287,7	690,4	21					
2008	12 868 875	3 138 162	3 140 170	192 490	4128,1	1488,6	34			38	38	17
2009	11 658 161	2 928 640	2 930 649	188 723	3956,9	1622,3	41			35	50	15
2010	9 426 268	2 568 584	2 570 594	160 081	4844,4	2942,0	50,0			31	44	25
2011	8 500 334	2 347 189	2 349 200	147 468	5884,0	3907,0	57,0			36	44	20
2012	5 925 681	1 905 435	1 907 447	161 969	6798,3	4282,9	63,0			43	41	17
2013	5 423 403	1 813 490	1 815 503	164 629	7453,3	4993,7	67,0			49	38	13
2014	5 437 030	1 797 569	1 799 583	160 214	7953,4	5487,8	69,0			49	38	13
2015	6 390 773	1 978 917	1 980 932	200 598	7848,6	5494,0	70,0			34	46	20
2016	5 285 751	1 812 741	1 814 757	208 926	8261,0	6030,5	73,0			25	51	24
2017	5 173 693	1 763 264	1 765 281	222 772	8768,9	6576,7	75,0			34	32	34
2018	5 111 370	1 707 937	1 709 955	215 036	9671,4	7253,6	75,0			44	46	10
2019	5 920 631	1 754 045	1 756 064	257 187	10078,2	7760,2	77,0	136 709	14 678	44	46	10
2020	6 923 229	1 787 718	1 789 738	335 631	12 025,6	9620,5	80,0	237 074	21 625	41	47	12
2021	6 183 212	1 750 276	1 752 297	339 606	13 634,8	11 180,5	82,0	249 249	21 610	41	47	12
2022	5 842 020	1 726 688	1 728 710	343 085	14 798,1	12 430,4	84,0	257 606	30 232	28	57	15
2023	6 076 763	1 719 846	1 721 869	433 708	17 566,3	15 107,0	86,0	356 079	37 634	28	57	15

Источники / Sources: составлено автором по: Состояние преступности. МВД России; Структура наличной денежной массы в обращении. Банк России; Корконосова Е.И., Имаева Г.Р., Шарова П.А. Социально-экономическое развитие: Социология. Статистика. Публикации. Отраслевые обзоры. Вып. 3. М.: Издательство НАФИ; 2017; Финансовая грамотность россиян — 2024. М.: НАФИ; 2024 / Compiled by the author based on: The state of crime. Ministry of Internal Affairs of Russia; The structure of the cash in money supply. Bank of Russia; Koronosova E.I., Imayeva G.R., Sharova P.A. Socio-economic development: Sociology. Statistics. Publications. Industry reviews. Issue 3. Moscow: NAFI Publishing House; 2017; Financial literacy of Russians — 2024. Moscow: NAFI; 2024. URL: https://cbr.ru/Bank-notes_coins/sndmvo/str_nal1_dm_070101/ (дата обращения: 07.02.2025) / (accessed on 07.02.2025). URL: <https://nafi.ru/projects/finansy/finansovaya-gramotnost-rossiyan-2024/> (дата обращения 17.01.2025) / (accessed on 17.01.2025).

Примечание / Note: * рассчитано автором как среднеарифметический показатель за год на основе ежемесячных данных / * Calculated by the author as an arithmetic average for the year based on monthly data.

Таблица 4 / Table 4

Матрица корреляций данных о фактическом состоянии и раскрываемости ненасильственных преступлений и мошенничеств с данными о наличном денежном обороте и уровне финансовой грамотности в России / A Matrix of Correlations Between Data on Non-violent Crimes, as well as Data on Financial Literacy and Cash-inflows in Russia

Обозначение / Notation	<i>Cu</i>	<i>Su</i>	<i>Cf</i>	<i>Sf</i>	<i>M</i>	<i>B</i>	<i>P</i>	<i>Ci</i>	<i>Si</i>	<i>Fmin</i>	<i>Fav</i>	<i>Fmax</i>
<i>Cu</i>	1,000											
<i>Su</i>	0,987	1,000										
<i>Cf</i>	0,987	1,000	1,000									
<i>Sf</i>	-0,287	-0,390	-0,390	1,000								
<i>M</i>	-0,676	-0,767	-0,767	0,836	1,000							
<i>B</i>	-0,683	-0,773	-0,773	0,830	0,999	1,000						
<i>P</i>	-0,951	-0,978	-0,978	0,464	0,854	0,860	1,000					
<i>Ci</i>	0,047	-0,522	-0,522	0,997	0,963	0,960	0,946	1,000				
<i>Si</i>	-0,190	-0,705	-0,705	0,930	0,972	0,975	0,962	0,937	1,000			
<i>Fmin</i>	-0,158	-0,149	-0,149	-0,325	-0,196	-0,219	-0,039	-0,776	-0,940	1,000		
<i>Fav</i>	-0,051	-0,157	-0,157	0,647	0,581	0,589	0,366	0,736	0,922	-0,565	1,000	
<i>Fmax</i>	0,051	0,161	0,161	-0,287	-0,307	-0,282	-0,187	0,856	0,955	-0,550	-0,342	1,000

Источник / Source: расчеты автора / Author's calculations.

нической корреляцией. Безусловно, требуются дальнейшие наблюдения и повторный анализ. Однако есть соблазн уже на данном этапе порассуждать о причинно-следственных связях выявленных корреляций. Тем более, что полученные результаты соотносятся с мнением Галановых, считающих, что базисом мошенничества является доверие, степень которого не зависит от уровня финансовой грамотности [6]. Иммунитет к финансовому мошенничеству у разных людей формируется по-разному: в зависимости от социально-экономических характеристик (возраст, пол, доходы [16]), негативного опыта обмана финансовыми мошенниками, полученного лично или кем-то из окружения [17], психотипа личности, но вне зависимости от уровня образования [18].

Результаты проведенного исследования показывают, что финансовая грамотность слабо воздействует на самозащищенность населения от финансового мошенничества. Технологический прогресс принес новые формы финансового мошенничества, которое постоянно ищет направления масштабирования. Деятельность финансовых пирамид и схем обмана банковских вкладчиков 1990-х гг. удалось существенно снизить только законодательными, надзорно-контрольными и правоохранительными мерами. В ситуации дистанционного управления гражданами собственными финансовыми активами следует развивать у населения когнитивные навыки по распознаванию мошенников, посредством таких инициированных кампаний Банком России, МВД и Генпрокуратурой, как «Клады трубку». В технологическом плане наиболее действенными пред-

ставляются защитные меры со стороны банковского сектора по выявлению и приостановлению транзакций, проводимых в рамках мошенничеств, основанные на машинном обучении, вводимые в программное обеспечение. Финансовая грамотность в то же время есть и остается важным элементом социализации россиян в эпоху стремительного развития финансовых технологий.

ВЫВОДЫ

Настоящая работа задумана в развитие размышлений московских экономистов [5, 6], логически обосновавших наличие границ полезности движения по развитию финансовой грамотности. В основу исследования легли: статистические данные о состоянии преступности в целом и, в частности, мошенничества в стране в последние 20 лет; показатели, характеризующие наличное денежное обращение; а также оценки уровня финансовой грамотности россиян. Для более показательной картины данные, публикуемые МВД России, скорректированы с учетом латентности преступности.

По результатам корреляционного анализа показано, что в новом столетии в России мошенничество во многом определяет состояние преступности в стране. Однако борьба с ненасильственной преступностью и мошенничеством в целом ведет к тому, что преступники переносят свою активность в сферу финансового мошенничества. Наличные деньги, использованию которых в отмывании преступных доходов уже поставлен заслон от основного числа ненасильственных преступлений, все еще остаются в арсенале преступных схем финансовых мошенников.

Корреляционному анализу также были подвergнуты данные о фактической преступности,

в том числе мошенничествах, и об уровне финансовой грамотности населения. В исследовании использованы оценки финансовой грамотности, полученные Аналитическим центром НАФИ за 2008–2023 гг. Эти оценки показывают соотношение количества граждан, имеющих три уровня финансовой грамотности (ниже среднего, средний, выше среднего) в общем составе опрошенного населения. Были получены эмпирические свидетельства сильной положительной связи между численностью финансовых мошенничеств и долей граждан, имеющих средний и высокий уровни финансовой грамотности, и сильной отрицательной связи с данными о финансовом мошенничестве и долей в составе населения граждан, имеющих низкий уровень финансовой грамотности. Чем выше уровень финансовой грамотности, тем выше риски попасть под влияние финансовых мошенников.

Полученные результаты подтверждают ранее высказанные московскими экономистами предположения о существовании границ полезности финансовой грамотности в вопросе самозащиты населения от финансового мошенничества. В этом отношении перспективным направлением представляется развитие социально-психологических программ, вырабатывающих у населения поведенческие навыки по распознаванию мошеннических форм воздействия на человека и сопротивлению им, такие, как программа «Клади трубку». Но наиболее эффективным способом решения проблемы представляется внешнее вмешательство. Это могут быть программные комплексы финансовых организаций, основанные на машинном обучении. Они способны выявлять и блокировать мошеннические транзакции. Также важную роль могут сыграть правоохранительные органы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kurshan E., Shen H. Graph computing for financial crime and fraud detection: Trends, challenges and outlook. *International Journal of Semantic Computing*. 2020;14(04):565–589. DOI: 10.1142/S1793351X20300022
2. Буряков Г.А., Королева И.В., Вышаренко У.В. Финансовая грамотность как теоретический и эмпирический базис противодействия мошенническим манипулятивным технологиям. *Юрист-Правовед*. 2024;(3):33–39.
3. Potter K., Egon A. Machine learning in financial fraud detection. *Financial Management*. 2024. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4997097 (дата обращения: 06.02.2025).
4. Miao Z. Financial fraud detection and prevention. *Journal of Organizational and End User Computing*. 2024;36(1):1–27. DOI: 10.4018/JOEUC.354411
5. Диго С.Н. Границы полезности финансовой грамотности населения. *Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова*. 2015;(2):75–81.
6. Галанов В.А., Галанова А.В. Финансовая грамотность, финансовая вера и финансовое мошенничество. *Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова*. 2020;17(3):157–165. DOI: 10.21686/2413-2829-2020-3-157-165
7. Зверева В., Синяков А., Шелованова Т. Финансовая грамотность и ответственное финансовое поведение российских домохозяйств: серия докладов об экономических исследованиях. М.: Банк России; 2024. 81 с. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/162512/wp_132.pdf (дата обращения: 06.02.2025).

8. Кузнецов О. В., Иванов А. В., Воровский Н. В., Шевалкин И. С. Институционализация финансовой грамотности взрослого населения России. *Финансы: теория и практика*. 2020;24(1):34-45. DOI: 10.26794/2587-5671-2020-24-1-34-45
9. Braunstein S., Welch C. Financial literacy: An overview of practice, research, and policy. *Federal Reserve Bulletin*. 2002;88:445-457. DOI: 10.17016/bulletin.2002.88-11
10. Давыдов А.А. Константы в социальных системах. *Вестник Российской академии наук*. 1993;63(8):733-736.
11. Ли Д.А. Преступность в России: системный анализ. М.: Гелва; 1997. 192 с.
12. Ольков С.Г., Олькова О.А. Математические основы общей криминологической теории латентной, фактической и зарегистрированной преступности. *Известия высших учебных заведений. Уральский регион*. 2022;(1):32-48.
13. Калашникова А.С., Левочкина Н.С. Сравнительный анализ оценок правовых явлений у насильственных и ненасильственных правонарушителей. *Прикладная юридическая психология*. 2015;(4):58-65.
14. Golden T. W. Psychology of the fraudster. In: Golden T. W., Skalak S. L., Clayton M. M., Pill J. S. A guide to forensic accounting investigation. 2nd ed. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc.; 2015:25-35. DOI: 10.1002/9781119200048.ch2
15. Криворучко С.В. Спрос на деньги и обращение банкнот крупных номиналов: современные тенденции. *Финансовый журнал*. 2019;(2):96-108. DOI: 10.31107/2075-1990-2019-2-96-108
16. DeLiema M., Langton L., Brannock D., Preble E. Fraud victimization across the lifespan: Evidence on repeat victimization using perpetrator data. *Journal of Elder Abuse and Neglect*. 2024;36(3):227-250. DOI: 10.1080/08946566.2024.2321923
17. Snyder J. A., Golladay K. A. It happened again: Differences between single and repeat/poly-victimization among financial fraud victims. *Journal of White Collar and Corporate Crime*. 2023;5(1):46-57. DOI: 10.1177/2631309X231195801
18. Солянкина Л.Е. Социально-психологический портрет жертв финансового мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. *Психолого-педагогический поиск*. 2023;(1):128-135. DOI: 10.37724/RSU.2023.65.1.015

REFERENCES

1. Kurshan E., Shen H. Graph computing for financial crime and fraud detection: Trends, challenges and outlook. *International Journal of Semantic Computing*. 2020;14(04):565-589. DOI: 10.1142/S1793351X20300022
2. Buryakov G. A., Koroleva I. V., Vysharenko U. V. Financial literacy as a theoretical and empirical basis for countering fraudulent manipulative technologies. *Yurist-Pravoved*. 2024;(3):33-39. (In Russ.).
3. Potter K., Egon A. Machine learning in financial fraud detection. *Financial Management*. 2024. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4997097 (accessed on 06.02.2025).
4. Miao Z. Financial fraud detection and prevention. *Journal of Organizational and End User Computing*. 2024;36(1):1-27. DOI: 10.4018/JOEUC.354411
5. Digo S. N. Limits of population financial literacy usefulness. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova = Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2015;(2):75-81. (In Russ.).
6. Galanov V. A., Galanova A. V. Finance literacy, finance trust and finance fraud. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova = Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2020;(3):157-165. (In Russ.). DOI: 10.21686/2413-2829-2020-3-157-165
7. Zvereva V., Sinyakov A., Shelovanova T. Financial literacy and responsible financial behavior of Russian households: A series of reports on economic research. Moscow: Bank of Russia; 2024. 81 p. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/162512/wp_132.pdf (accessed on 06.02.2025). (In Russ.).
8. Kuznetsov O. V., Ivanov A. V., Vorovskii N. V., Shevalkin I. S. Institutionalization of financial literacy of the adult population of Russia. *Finance: Theory and Practice*. 2020;24(1):34-45. DOI: 10.26794/2587-5671-2020-24-1-34-4
9. Braunstein S., Welch C. Financial literacy: An overview of practice, research, and policy. *Federal Reserve Bulletin*. 2002;88:445-457. DOI: 10.17016/bulletin.2002.88-11
10. Davydov A. A. Constants in social systems. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk = Herald of the Russian Academy of Sciences*. 1993;63(8):733-736. (In Russ.).
11. Lee D. A. Crime in Russia: System analysis. Moscow: Gelva Publ.; 1997. 192 p. (In Russ.).
12. Olkov S. G., Olkova O. A. Mathematical foundations of the general criminological theory of latent, total and registered crime. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Ural'skii region*. 2022;(1):32-48. (In Russ.).

13. Kalashnikova A. S., Levochkina N. S. Comparative analysis of assessments of legal phenomena in violent and nonviolent offenders. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*. 2015;(4):58-65. (In Russ.).
14. Golden T. W. Psychology of the fraudster. In: Golden T. W., Skalak S. L., Clayton M. M., Pill J. S. A guide to forensic accounting investigation. 2nd ed. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc.; 2015:25-35. DOI: 10.1002/9781119200048.ch2
15. Krivoruchko S. V. Demand for money and circulation of large face value banknotes: Current trends. *Finansovyi zhurnal = Financial Journal*. 2019;(2):96-108. (In Russ.). DOI: 10.31107/2075-1990-2019-2-96-108
16. DeLiema M., Langton L., Brannock D., Preble E. Fraud victimization across the lifespan: Evidence on repeat victimization using perpetrator data. *Journal of Elder Abuse and Neglect*. 2024;36(3):227-250. DOI: 10.1080/08946566.2024.2321923
17. Snyder J. A., Golladay K. A. It happened again: Differences between single and repeat/poly-victimization among financial fraud victims. *Journal of White Collar and Corporate Crime*. 2023;5(1):46-57. DOI: 10.1177/2631309X231195801
18. Solyankina L. Y. Social and psychological sketches of the victims of financial frauds in the digital space. *Psikhologo-pedagogicheskii poisk = Psychological and Pedagogical Search*. 2023;(1):128-135. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.65.1.015

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Наталья Юрьевна Танющева — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и управления предприятием, Астраханский государственный технический университет, Астрахань, Российская Федерация
Natallia Yu. Tanyushcheva — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Department of Economics and Enterprise Management, Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-7277-7316>
n.tanyushcheva@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of interest statement: the author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила в редакцию 23.02.2025; после рецензирования 04.04.2025; принята к публикации 27.07.2025.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was submitted on 23.02.2025; revised on 04.04.2025 and accepted for publication on 27.07.2025.
The author read and approved the final version of the manuscript.